

Вопросы нравственного воспитания, морального климата нашего общества волнуют сегодня всех. Только в последнее время свои размышления читателям «Недели» предложили писатели Расул Гамзатов, Николай Грибачев, Григорий Банланов, Лазарь Карелин. Сегодня тему продолжает известный писатель и драматург Юрий НАГИБИН.

— Юрий Маркович, на какие мысли заводят вас ваши наблюдения над подрастающим сегодня поколением?

— Я не так часто встречаюсь сейчас с племенем «младым и незнакомым» и далек от претензии выдавать оценки, приговоры. Но интересно собственное мнение о себе самих сегодняшних школьников. Меня недавно познакомили с результатами социологического исследования, там обсуждались мои рассказы о детстве и юности, по принципу «книги читают нас». Так вот, старшеклассники завидуют нашей более чем полувековой дружбе и прямо признаются, сетуют, что у многих из них нет настоящей потребности друг в друге, поэтому бестрепетно одних спутников меняют на других. А после школы — институт, там будет своя компания, на службе — своя. То неглубокое общение, которое связывает тебя с сегодняшними приятелями, легко завяжется с любыми другими — зачем за кого-то держаться? Такие молодые, а уже одиноки...

Есть истина: человеку нельзя одному. Эта истина пришла на смену романтическому воспеванию героя-одиночки, гордой, не уступающей в обычных рамках личности, противопоставляющей себя обществу. Но затем в этом герое разочаровались. Стало ясно, что личность раскрывается полностью и с нравственным знаком плюс только среди людей, в живом общественном обмене.

Почему сейчас множатся клубы молодежи, клубы «по интересам»? Да потому, что они противопоставят квартирному одиночеству. У телевизора на кухне, за столом на службе, в автомобиле на улице — везде человек один. Раньше так не было. Квартира, двор, да и сама работа требовали коллективного бытия.

И самостоятельность, и спорт сегодня стали слишком профессиональными. Мы в детстве играли для себя, а не для того, чтобы заработать разряд или чтобы кто-то получил за нас премию. Тогда все вокруг работало на наше сближение. Поэтому нам так легко длить нашу дружбу — мы необходимы друг другу. Годы молодости так нас сценили, что вся последующая трудная, сложная, порой мучительная жизнь не могла расцепить. Нам уже по 66, а мы — вместе.

— Часто на встречах с молодыми читателями, отвечая на вопрос об истоках этой вашей дружбы, вы делаете упор на то, что в довоенные годы мальчишек и девочек воспитывал коллективистами их собственный двор. Нынче место дворового коллектива занял коллектив детского сада, «продленки» в школе — что же изменилось?

— Утрата большой дворовой компании ничем не восполнена. И вот почему. Коллектив двора был разновозрастным, подобно огромной семье: в нем жила своя общественная совесть, поэтому шло естественное самовоспитание, даже без присмотра родителей. Каждый ребенок имел там свое особое место и роль, тянулся повысить свой «престиж». Привыкал опекать слабых и всегда был уверен в помощи — но и в подзатыльниках за гадкий поступок — от старших дружков, гордился своей причастностью к этому монолиту.

А в нынешних группах — в детском саду, в «продленке», даже в летних лагерях дети собраны по формальному признаку — по одинаковому возрасту. В такой ситуации их детская природа жаждала одного: выделиться, противопоставить себя одноклассникам, сохранить свое «я». Этот импульс, становясь привычным, мешает, мне кажется, дружбе, отрицательно сказывается на характере.

Что же касается учебной программы, я считаю, что два предмета должны стать в школе главными. Их нужно не просто преподавать, ими надо пронизать все остальное. Один называют «литература» — и с ним обстоит дело особенно плохо. У детей отбивают охоту к чтению. А между тем главная задача школы — научить детей читать. Не бегать по строчкам рассеянным взором, а читать сердцем. Больше ничего особенно-то и не нужно. Никаких «образов Печорина» и тому подобного. Готовить надо не литературоведов — но людей, любящих литературу, людей, поддающихся ее воздействию. У нас же дошло до того, что Твардовского узнают по пересказу! Да и не только Твардовского. Это пустое занятие. Бесцельная трата времени. Прочесать, к примеру, «Для берегов отчизны дальней»,

но так, чтобы за сердце взяло, чтобы ребят пронзило то чувство, которым рождено стихотворение, — этого достаточно.

Так же с историей. Она должна войти и в другие предметы. Знакомить ребят с теоремой — скажи несколько слов о Лобачевском. Не бойся, это время не потрачено даром: теорема забудется, а память об ученом-подвижнике сохранится.

Литература и история — главные предметы: они формируют душу, сознание.

— Мы подошли к важнейшей теме: воспитание историй. Что есть история? Вопрос не риторический и не праздный. Фальсификация истории может рождать целые нравственно неполноценные поколения — такая попытка была сделана фашизмом. Формальное знание прошлого,

раса», знанием никаким не отягощен и знать ничего не хочет о своих предках. Для вас это принципиально?

— Когда рыжий издевается над могилкой трибуна Авраамия Палицына и даже над окружающими людьми, Борскому в общем-то наплевать. Он не поленился накатать жалобу, что его плохо обслужили, или наорать на киоскершу, — тогда он будь здоров! А тут дал слабину.

Для Егوشина же оскорбление памяти — это оскорбление высших ценностей жизни. И он бросается на защиту их, не раздумывая, не прикидывая... Ведь Соловки — это каналы и сады, простоявшие века, — детище едва ли не самого нравственного человека отечественной истории — Филиппа Колычева. И в Егوشина как бы вселяется Филипп с его убеждением, что нет зла большего или меньшего: зло — оно и есть зло. Филипп ратоборст-

наука носили скуфью. Монастыри были единственным прибежищем грамотности. Рублев был преподобным. Аввакум — протопопом. И Авраамий Палицын? А летописец Нестор? Этих людей не вычеркнешь из русской жизни.

История — единый, непрерывный процесс. Ни один период не должен оставаться для нас темным. Сегодня мы, пожалуй, еще недостаточно знаем послереволюционные годы. Довольствуемся подчас легендами или статистикой. А реальное противоборство личностей, двигавшее события, представляем смутно. Тут еще огромный простор для настоящей, глубокой литературы, для кино. Благодаря романам Пикуля — к которым можно относиться по-разному — мальчишки теперь лучше знают интриги царского двора, чем конкретности жизни таких героев, как Лазо или Киров. Эти пробелы должны быть восполнены.

— При том, что большинство ваших литературных героев — наши современники, многих вы свободно размещаете в разных слоях прошлого. Даете им имена и черты реальных людей. Чем объясняется этот прием — желанием воскресить шум ушедшего времени или сделать свою мысль более убедительной?

— Чисто исторических вещей я почти не писал. Хотя все больше задумываюсь об этом. Впрочем, только что в «Октябре» вышла моя небольшая повесть «Квасник и Бужениновы» из времен бирюзовщины. Более привычно мне писать вещи, в которых история не самоцель. Меня занимает проблема творческой личности в обществе. Судьбы писателей, поэтов, композиторов. Тема признания — непризнания. И этой цели хорошо служит прошлое. Конечно, я выбираю не время, но характер человека, судьбу.

Я убежден, что искусство — средство связи людей. Даже через века. Нельзя писать только для себя.

Сомерсет Моэм заставил художника Стрикленда («Луна и грош»), прообразом которого был Поль Гоген, расписать стены своей гаитянской хижины дивными фресками. А умирая, сжег ее. Выдумка эффектная, но, пожалуй, вредная. Ведь Стрикленд, выходящий, тешил собственного беса. Мировому духу его искусство ничего не дало.

Но ведь искусство по самой своей сути обращено к другим душам, оно ищет, прокладывает связи между сердцами. Оно ждет отклика, призывает, противостоит отчужденности и разобщенности.

И в условиях современной цивилизации, когда столь многое препятствует полноценному общению людей, особенно велика роль искусства как средства сближения пассажиров корабля, имя которому Земля.

Беседу вел
Яков ХРАПОВ.

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИЕЙ

Юрий НАГИБИН

очевидно, тоже не слишком духоподъемно. В чем же сила истории? И как ее «ухватить», воспользоваться ею?

— История выносит Человека из малых и тесных пределов собственного существования. Ты перестаешь быть случайным гостем мироздания, а становишься звеном великой цепи. Пробуждается сознание собственной ценности, а с ним и ответственность за окружающее, за доверенное тебе время. Но это невозможно, если ты даже жизни собственного отца не знаешь. И не случайно на XXVII съезде нашей партии так остро был поставлен вопрос о воспитании историей, о формировании в поколениях глубокого патриотизма.

У нас потерял вкус к семейной истории. Вот раньше составляли родословное древо. Тут случались и курьезы — один мой знакомый такое древо составил, что оказался в родстве со всеми нашими прославленными предками, начиная с Александра Невского. Но в целом это была здравая идея. Потому что каждый чувствовал себя веточкой могучего древа. Не просто пушилкой на ветру, которая — тьфу — и нет ее. Человек должен знать свои корни: это мои предки ходили с Суворовым, дрались на Шинке, погибали под Каховкой, строили Днепрогэс, поднимали Магнитку. Тогда человек осознает себя продолжением, каплей мощного потока. Уважает в себе часть человечества. Такого человека не повернешь, куда хочешь, не склонишь ко злу, это уже не человек толпы, а личность. И это ничуть не противоречит коллективизму, дружбе. Коллектив — это совокупность индивидуальностей, а не аморфная спекшаяся масса.

Я как-то нашел у Чехова: «Для жизни в настоящем надо испустить прошлое. А для этого надо его знать». Не знать историю своего народа, своей семьи — это быть растением без корней.

История расширяет представление о человеке. О его достоинствах и его недостатках. Зная историю, можно предотвратить что-то дурное в окружающем и в себе самом. Это расширение твоего личного опыта на грандиозное пространство времени. Это прочный нравственный стержень.

Не знающий историю своей земли и вообще человечества — беден душой. Люди уже столько «поучительно» наошибались и столько сделали поучительно достойного! Зачем изобретать колесо, когда к твоим услугам весь опыт цивилизации. Прежде всего — собственной страны, он всегда ближе и убедительнее. И владея им, ты становишься гораздо более защищенным в прямом и переносном смысле слова.

— В вашей последней повести «Поездка на острова» трех основных героев можно так расположить по степени их знания родной истории: Егوشин живет в ней даже больше, чем в реальной действительности, Борский нахватался знаний по верхам, а встретившийся им на узкой дорожке рыжий — явная «таблa

вовал с Грозным, публично обличал опричнину в Успенском соборе, а мы боимся вот такого рыжего хама. В трамвае, в метро, в очереди, в своем дворе отступаем перед хамским нахрапом. И унижаем себя тем, что не хотели связываться по пустякам. Это совсем не пустяки. Из личинки мелкого и не пресеченного безобразия вырастает преступление.

Конечно, можно нажить неприятности. Одернешь пьяного, а он выхватит лезвие и... Но выхода нет. Надо вмешиваться. Зло чаще всего трусливо, но не всегда. И все равно — выхода нет, надо рисковать, малейшая уступка мучительна.

Человек исторически воспитанный, осознающий себя в истории и культуре, всегда в принципе лучше, мужественнее, нравственнее перекати-поля, не чуждого под собою почвы.

Даты сражений и восшествий на престол можно и забыть, но надо усвоить и разобраться в главном: в той многоликой борьбе зла с добром, которая является сутью истории. Знать прекрасных людей родной страны. И тех, кого заставляли забыть. Надо знать Сергия Радонежского. Что из того, что он был монахом? Ведь тогда вся культура, все искусство и вся